

ИССЛЕДОВАНИЯ

А.В. МИХАЙЛЕНКО

В.И. МИХАЙЛЕНКО

ПРЕДМЕТНЫЕ ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

Предметные области исследований международных отношений.

Глобализация как новая современная реальность. В современной науке широко признано, что развитие процессов глобализации меняет облик мира, заставляя вносить существенные коррективы в прогнозы тенденций его развития, особенно сложившиеся в 70-80-е годы XX столетия.

Последняя треть XX столетия стала эпохой *третьего машинного переворота*, который, собственно, и определил важнейшие глобальные тенденции. Соединенные в сети электронно-вычислительные машины революционизировали способы обработки и передачи данных. Сегодня интеллектуальная деятельность человека и совокупный интеллектуальный ресурс все больше выступают как машинный ресурс компьютерных сетей, тяготеющих к глобальному охвату.

Для этого машинного переворота исключительно важно, что появившийся вместе с ним новый технологический способ производства не только был порожден холодной войной, но и вплоть до наших дней прогрессировал прежде всего благодаря развитию технологий двойного назначения¹.

Например, фундаментальной основой лидерства США в мировой экономике является инновационный потенциал страны. Можно с полным основанием утверждать, что в США сформирована развитая всеобъемлющая, многоуровневая национальная инновационная система (НИС), которая в существенной степени является основой мировых стандартов в данной области. Их стратегия нацелена на научно-технологическое лидерство. США удерживают свое лидерство за счет ресурсного обеспечения, эффективной институциональной базы, динамично совершенствуемых механизмов взаимодействия отдельных элементов НИС, развитой системы прогнозирования научно-технического прогресса. США – лидер по абсолютным расходам на НИОКР. В последнее десятилетие его доля составляла всего 25-30% общего объема мировых расходов на НИОКР². США развивают глобальные сети НИОКР. Филиалы американских ТНК за границей тратят на НИОКР до 20 млрд. долл. год. Прежде эти исследования были сосредоточены в таких развитых странах, как Великобритания, Германия, Канада, Япония, Франция и Швеция, но в последние годы американские филиалы активизируют свою исследовательскую деятельность в странах с быстро развивающи-

¹ Максименко В. Соблазн и иллюзия глобального управления//Pro et Contra. 2002. N 4.

² Кириченко Э. Основы инновационного лидерства США// Мировая экономика и международные отношения. 2005. № . С.45.

мися рынками – Сингапуре, Израиле, Ирландии, Китае. Четыре сектора доминируют в зарубежных инвестициях США в НИОКР – транспортное оборудование, компьютеры и электронная продукция, химикаты и фармацевтика. В США понимают, что вложения в НИОКР являются «дорогой с двусторонним движением». По данным министерства торговли США в 1991-2001 гг. создано 5982 международных альянса для совместных НИОКР, причем американские корпорации участвуют по крайней мере в 4646 альянсах. Доступ к этой копилке знаний становится важнейшим элементом как национальной конкурентоспособности, так и национальной безопасности³.

С одной стороны, прежняя «интегральная» концепция суверенитета постепенно начинает уступать место принципу «ограниченного» суверенитета, основанному на делегировании ряда полномочий и функций наднациональным органам (например, взаимоотношения в рамках Европейского союза). С другой стороны, Организация Объединенных Наций, оставаясь самым авторитетным и представительным международным институтом, испытывает серьезное влияние со стороны падающих и несостоявшихся государств, которые составляют большинство ее членов. Таким образом, модификация вестфальской системы в XXI веке практически неизбежна. Этому процессу будут способствовать как добровольный отказ от суверенитета в части развитого мира, так и неготовность последнего признать суверенитет падающих или несостоявшихся государств, а также необходимость обеспечивать минимальные условия жизни людей на этих территориях, предотвращать распространение многих глобальных бед, в том числе терроризма⁴.

Вместе с тем, по мнению А.Д. Богатурова, «реальная глобализация оказалась «злей», многократно сложнее и непредсказуемой. Во-первых, «устаревание суверенитета», в том упрощенном виде, каким оно рисовалось либеральным авторам, оказалось локальным явлением. Фактически этот тезис оказался работающим главным образом применительно к странам Евросоюза, сознательно вступившим на путь самоограничения своей самостоятельности, а также наиболее слабым, как правило, небольшим государствам из породы «несостоявшихся» и «распадающихся». Во-вторых, глобализация на деле оказалась комплексным и крайне противоречивым процессом, способным создавать серьезные угрозы как раз для тех стран, которые изначально наиболее радостно ее приветствовали. Всемирный сетевой терроризм, «избравший» себе в качестве главного врага Соединенные Штаты, – «родное дитя» глобализации. Он не мог возникнуть и проявить свою эффективность с такой силой вне современного контекста всемирных экономико-финансовых, политико-идеологических и информационно-технических процессов. В-третьих, что любопытней всего, глобализация, возбудив в мире невиданные перетоки людских миграций, затронула этно-социальную структуру абсолютно всех стран мира, но наиболее непредвиденным образом последствия этого процесса обнаружили себя как раз в той группе государств, которые рассчитывали поставить глобализацию себе на службу. После веков торжества в Европе национальных государств на смену им стало приходиться не однородное наднациональное и

³ Там же. С.46.

⁴ Иноземцев В., Караганов С. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 10

надэтническое системное единство европейцев в рамках ЕС, а сложный и внутренне крайне разнородный и несплоченный европо-азиатский многоэтнический конгломерат. Несомненно, что «Европа наций», сложившаяся в XIX веке и существовавшая в XX, закончилась. Но то, что складывается на ее месте, походит не на европейскую супернацию, а на совокупность «вертикальных империй» – Французской, Германской, Голландской, Британской, Бельгийской и несколько совсем маленьких скандинаво-балтийских. конгломераты, политически и географически соединенные вокруг какого-то одного или двух численно доминирующих этносов. Сегодня жизнь заставляет видеть в империях не столько символы угнетения, сколько определенный тип политической организации многоэтнических пространств. Причем сегодняшней «возврат к империям» – никак нельзя объяснить просто злыми умыслами элит и правительств. Возникновение вертикальных неоимперий – органичный продукт глобализации и, по-видимому, неотъемлемая черта современного этапа трансформации мира. надо научиться жить в условиях современной сложной многоэтничности – в том числе честно, но трезво и без истории переосмысливая все плохое и ценное, что было и есть в опыте империй «старых»⁵.

Новая архитектура пространств. Глобализация не просто расширяет территориально, с охватом всего земного шара, сферы (и пространства) экономики, коммуникаций, безопасности, прочие. Процессы такого расширения в ряде случаев насчитывают уже не одну сотню лет и идут с эпохи великих географических открытий. Глобализация конца XX – начала XXI вв. стремится множеством связей соединить эти пространства в единый целостный комплекс. Поэтому она, помимо прочего, есть *реструктуризация международного пространства*; причем этот ее аспект, видимо, является главным признаком и функцией глобализации. Сущность глобализационной реструктуризации международных отношений заключается в фактическом создании *новой архитектуры пространств*, которые будут определять жизнь и развитие мира в первой трети века: глобальной как по территориальному охвату, так и по организации в рамках этой архитектуры ранее возникших и оформившихся основных пространств. Глобализационная реструктуризация международного пространства пока проявляется прежде всего в том, что сетевая структура, какой по определению являются международные, особенно межгосударственные отношения, начинает все более обретать «третье измерение» и трансформироваться в иерархическую структуру, пронизанную «вертикалью» глобальных регулирования, правовых норм, систем безопасности⁶.

Суверенитет в таком мире, продолжает Н. Косолапов, сохраняется номинально и идеологически как признание права народов самим вершить свою судьбу. На практике же он обнаруживает тенденцию трансформироваться в способность и умение, используя пространства глобального мира, создавать и выдерживать свою траекторию движения по этим пространствам, направлять ее на достижение желаемых целей, эффективно и в своих интересах и целях контролировать свою территорию, процессы ее исполь-

⁵ Богатуров А.Д. Мир вертикальных империй. Демократические страны недооценили коварство глобализации//http://www.ng.ru/politics/2006-04-25/2_kartblansh.html

⁶ Косолапов Н. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № .

зования и развития. При этом сохранение территории (включая территорию хозяйствования и даже ее расширение) будет, вероятнее всего, достигаться путем развития страны и экономики, многообразия форм использования территории, насыщением ее пространствами, способными интегрировать формальные и неформальные отношения и институты. Изложенное не «отменяет» функций и роли традиционных факторов и средств сохранения территориальной целостности государства. Но концентрация на проблеме сохранения этой целостности, предотвращения распада страны и т.п., при всем значении этих проблем, объективно уводит от анализа процессов глобальной пространственной организации, участие в формировании которых и их использование представляются неперенным и важным условием развития общества⁷.

Кризис глобального управления. Совершенно очевидно, что с распадом Ялтинской системы мир становится все менее стабильным и налицо глубокий кризис глобального управления. Он усугубляется в связи с тем, что в политическом и военном отношении современный мир разделен на «центр» и «периферию» — точно так же, как в экономическом и социальном плане. Но и в связи с тем, что не только между ними, но в том числе в «центре» сказываются различия, как отмечают Иноземцев В., С. Караганов, между «современной и постсовременной политикой». Например, Соединенные Штаты (представляющие развитый мир), а также Россия и Китай (со стороны развивающихся стран) сохраняют верность традиционной политике баланса сил, тогда как европейские государства привержены методам экономического влияния, военного невмешательства и политического нейтралитета. Но ни та, ни другая модель пока не способны предложить рецепты преодоления глобального беспредела⁸.

Глобальное информационное общество. Глобализация не смогла бы реализоваться без развития информационных технологий, являющихся ее материальной основой. Возможность передавать информацию, в том числе заключать сделки в любой точке земного шара буквально за секунды, позволила транснациональным банкам занять ключевые позиции в регулировании международных потоков капитала. С использованием глобальной сети телекоммуникаций, Интернета значительно возросли масштабы международных финансовых операций. Так, только с 1990 по 2000 г. ежедневный объем операций на мировом валютном рынке возрос на 60%, с государственными и корпоративными облигациями — в пять раз, с акциями — в 20 раз⁹.

Внедрение информационных технологий в сферу производства (автоматизация, роботизация, создание систем дистанционного управления промышленными комплексами), а также развитие систем глобального маркетинга и менеджмента стали основой превращения транснациональных корпораций (ТНК) в доминирующую силу мировой экономики. Наиболее корректной в научном отношении, считает Н. Загладин, представляется постановка вопроса не столько о глобализации,

⁷ Там же. С.

⁸ Иноземцев В., Караганов С. О мировом порядке XXI века//Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 10.

⁹ Загладин Н.В. Глобальное информационное общество и Россия//Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7.

сколько о начальной стадии процесса возникновения **глобального информационного общества**, как новой фазы мирового цивилизационного развития. Речь идет о переменах не меньшего масштаба, чем те, которые начались с промышленного переворота в Англии на рубеже XVIII-XIX вв.¹⁰

Попытки анализа сложного современного феномена, названного «информационным обществом» предприняты в работе А.Н. Абдулова и А.М. Кулькина¹¹. В книге описываются проявления этого феномена: средства передачи информации, расширение возможностей коммуникации. Вместе с тем, вопросы, связанные с природой информационного общества, его особенностями, механизмами функционирования и, самое главное, его местом в человеческой эволюции в работе не рассматриваются. Основное внимание в работе отведено исследованию науки и инновациям, которые рассматриваются как «основная движущая сила развития экономики»¹². Сущностью информационного общества является новое знание, процесс его порождение и использование. Авторы отмечают, что наибольшие усилия по развитию информационного общества прилагаются в либерально-демократических странах, государственная стратегия в которых направлена на развитие человеческого потенциала. Авторы анализируют организацию и управление научными и инновационными процессами в США. В работе дается классификация наукоемких технологий: базовые (элементный уровень), первичные (приборный уровень), вторичные (технологически встроенные инновации). В работе рассматриваются различные мировые модели инновационного развития, вопросы эффективного управления инновационным развитием.

Рецензент А.И. Селиванов обращает внимание на то, что проблемы информационного общества рассматриваются в книге сквозь призму просвещенческой, гуманистической парадигмы. Он обращает внимание на то, что другой стороной динамики информационного общества является появление таких «идеалов», как развлечение вместо труда, виртуальность вместо реальности, бездуховность вместо высокого духа, рост неравенства внутри общности и между ними. Он считает, что противопоставить «негативным» тенденциям необходимо через отказ от универсализма и путем развития традиционных культур. По мнению А.И. Селиванова Россия не может дать ответ на вызовы информационного общества «по аналогии», например, использовать американскую модель инновационного обновления, поскольку ее реализация осуществляется путем использования «внеморальных инструментов». Конкурентноспособный ответ, по его мнению, может быть только выстрадан изнутри¹³.

Нам представляется, что в некоторых трудах, особенно в тех, где речь идет об отказе от универсализма в пользу обособления и опоры на традиционалистскую изолированность, недооценивается процесс самоорганизации Вселенной, который идет независимо от отдельных социумов. «Безмерное и бесконечное так же необходимы человеку, как и та малая планета, на которой

¹⁰ Там же.

¹¹ Абдулов А.Н., Кулькин А.М. Контуры информационного общества. М., 2005.

¹² Там же. С.27.

¹³ Селиванов А.И. Рецензия // Вопросы философии. 2006. № 4. С.188-190

он обитает», замечал Ф.М. Достоевский¹⁴. Понятна неудовлетворенность А.И. Селиванова западной моделью информационного общества. Однако его предложение находится в области противопоставления, предположительно, большего зла меньшему злу, а, возможно, и наоборот, поскольку эволюция российского традиционализма сопровождается многочисленными «антропологическими катастрофами», особенно в период форсированных модернизаций. Между тем, отмечает Г.С. Киселев, существуют универсальные ориентиры, желанные «основания жизни, без которых человек так страдает в нашем мире» – «это – добро и совесть»¹⁵. Таким образом, нравственное совершенствование должно находиться, по его мнению, в основе кардинального изменения человеческой природы.

На важность ценностных ориентиров в информационном поле средств массовой коммуникации обращает также внимание В.Б. Лаптев¹⁶.

Проблемы научно-технического развития и инновационной политики все в большей мере оказываются в центре междисциплинарных исследований. Исследователи обращают внимание на необходимость развития методологической базы оценки научно-технических проектов, методологического анализа развития научного знания, теории технических изменений. Например, В.Г. Горохов пишет, что «развитие науки и техники необходимо рассматривать как целостный процесс, обусловленный не только собственно научными или техническими факторами, но также отражающий социальные взаимодействия»¹⁷. «В существующих исследованиях по методологии науки все еще не в полной мере учитываются факторы социокультурной динамики и глобальных изменений в современной науке, в частности ее трансдисциплинарный характер, выражающийся в усилении участия общественности в принятии решений в области научно-технической политики и в необходимости разъяснения содержания научно-технических проектов неспециалистам»¹⁸.

В связи с этим идея «устойчивого развития», выдвинутая в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, не наполняется реальным содержанием. Наука становится сегодня средством и одновременно важным компонентом современной политики. Именно в этом смысле говорят о так называемой трансдисциплинарной науке, выходящей не только за рамки отдельных дисциплин, но и дисциплинарной науки вообще в широкую общественную сферу. Роль науки в современном обществе, с одной стороны, уменьшается, поскольку больше никто не верит в ее всесильность, а с другой – увеличивается, поскольку она с неизбежностью становится основой политического консультирования и опорой для принятия политических, социальных и хозяйственных решений¹⁹.

¹⁴ Цит. по: Киселев Г.С. Смыслы и ценности нового века // Вопросы философии. 2006. № 4. С.3.

¹⁵ Там же. С. 4.

¹⁶ Лаптев В.Б. Проблемы обеспечения безопасности России в современном мире. Методическая разработка. М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2004. С. 9.

¹⁷ Горохов В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика // Вопросы философии. 2006. № 4.

¹⁸ Там же. С.80.

¹⁹ Там же. С.82.

Возникновение исследований на границе между наукой и политикой в связи с проблемами социально-экономической, социально-экологической и т.п. оценок последствий технического развития является индикатором нового понимания роли науки в обществе. Этот тип исследования и обозначается часто как *проблемно-ориентированное исследование*, что означает не просто постановку проблемы с методологической точки зрения или с позиций научной политики, но, прежде всего, социокультурное понимание науки, исследования, направленные на решение определенного типа комплексных научно-технических задач. Проблемно-ориентированные научно-технические дисциплины выделяются не относительно объекта исследования, а с точки зрения различных классов сложных научно-технических задач (например, системотехника, эргономика, информатика и т.д.), что позволяет по-новому осознать место и роль оценки техники в современном научном ландшафте. Комплексные неклассические научно-технические дисциплины не могут быть отнесены ни к естественным, ни к техническим, ни к общественным наукам и, несмотря на свою комплексность и междисциплинарность, не являются чисто междисциплинарными исследованиями хотя бы потому, что они сами организованы дисциплинарно, имеют устойчивый публикационный массив и ограниченное профессиональное сообщество. По мнению В.Г. Горохова современные задачи *проблемно-ориентированного исследования* изначально не формулируются как лежащие внутри науки, но соотносятся с общественными ожиданиями – будь то конкретно фокусированные потребности в консультировании со стороны министерств и ведомств или же общая социальная ориентация²⁰.

В.Г. Горохов обращает особое внимание на отличие технической этики современного периода, которая теперь не ограничивается этикой инженера, проектировщика или даже технического специалиста в широком смысле этого слова. Она предполагает также этическое отношение к использованию техники, что затрагивает общество в целом и всех его членов в отдельности. В нашем технизированном мире неосторожное обращение со сложной техникой может привести к катастрофическим последствиям. Кроме того, техника может использоваться в иных целях, чем те, ради которых она создавалась, например, в террористических целях. Это создает дополнительный риск функционирования техники в современном обществе. Но это же и увеличивает ответственность человека. *Власть и знания порождают ответственность* — особенную ответственность знающего и властвующего. Эта ответственность людей простирается не только на себе подобных и их будущее, но и на весь жизненный мир²¹.

Определив проблемное поле исследований, В.Г. Горохов ставит вопрос, о какой теории здесь может идти речь? Совершенно ясно, отмечает он, что классический идеал аксиоматически построенной теории, известный еще со времен Евклида, не годится. Даже дополненная эмпирическим (экспериментальным) уровнем в интерпретации неопозитивистов эта модель в луч-

²⁰ Там же. 91-92.

²¹ Там же. С.93

шем случае годится для описания классической физической теории и то с известными допущениями, но в ее прокрустово ложе не укладываются многие современные теоретические построения даже физики и математики. Несколько лучше для интерпретации теоретических исследований, проводимых, например, в технических науках, подходит представление об оперативных теориях, опирающееся на различение *субстантивных и оперативных теорий*, проведенное М. Бунге. *Субстантивные* теории имеют эмпирическое содержание, информативны и проверяемы, *оперативные* же теории инструментальны, представляют собой оперативные концепции методов и являются по сути дела методологиями. Они подобны инструментальному ящику, из которого могут черпаться модели, методы, средства, схемы, правила и предписания деятельности. Для оперативных теорий теряет смысл проблема выявления закономерностей и истинности теоретических высказываний, а является важной методическая достоверность, соответствие применяемых методов цели и процедурам принятия решений. Для них оппозиции «теоретическое – практическое», «теория – приложения» также теряют смысл. В структуралистской концепции науки все возможные и существующие приложения включаются в сам каркас теории и конституируют теоретическое исследование, взаимно определяют друг друга. Наиболее важными для понимания строения, функционирования и развития научно-технического знания является технологическая теория науки Я.Хакинга и Гири, подчеркивающая оперативные и теоретико-деятельностные аспекты научной теории, «интерпретиционистский конструктивизм (схемный интерпретиционизм)» Х.Ленка и прежде всего *пост-неклассической* социодинамической концепции науки В.С. Степина. Речь идет о возникновении *новой рациональности*, о выработке новой парадигмы научно-технического развития. Вместо экспертократии она опирается на открытое общественное обсуждение, возникающих в связи с внедрением и функционированием новой наукоемкой техники и технологии проблем²².

Задача такого рода рациональной оценки техники – найти критерии и обоснования для принятия справедливого решения, основываясь не только на представлениях различных научных дисциплин, но и на так называемом «здоровом человеческом обыденном мышлении» под контролем постоянной критической рефлексии, т.е. активный процесс с сильным акцентом на самоответственность и перманентную саморефлексию. Иными словами, рациональное объяснение и рациональное действие должны дополняться рациональной рефлексией. В развитых западных странах утверждаются принципы плановой рациональности, как «создания рамочных условий дальнейшего научно-технического развития», но не в смысле построения четко фиксированных алгоритмических процедур, а при осуществлении постоянной обязательной критической рефлексии ориентированных на формирование будущего действий. Речь идет о принятии обществом проводимой научно-технической политики с целью создания условий для «социально переносимого обществом» научно-технического и хозяйственного развития. Это озна-

²² Там же. С. 94-95.

чает, что рациональные решения и соответствующие им действия должны ориентироваться на потенциальную приемлемость обществом этих решений и действий²³.

Национальные инновационные системы (НИС) в глобальном контексте. Анализ основ функционирования национальных инновационных систем (НИС) развитых стран позволяет говорить о действии целого ряда принципиальных общих структурных закономерностей, обеспечивающих высокий вклад новых знаний и технологий в экономический рост. В настоящее время преобладает понимание инновационной системы как последовательной цепочки: наука – генерация знания – производство – рынок и взаимодействия между звеньями цепочки в рамках инфраструктуры, создаваемой государством. Соответственно государственная инновационная политика считает их основными субъектами управления. Мировой опыт показывает, что эта модель не отражает многих принципиально важных институциональных аспектов функционирования современных НИС. Современный инновационный процесс – это лабиринт, в котором идея многократно встречается с государством, бизнесом и деньгами, часто попадает в тупик, и только на выходе (если повезет) становится воспринятыми рынком продуктами или технологиями, приносящими устойчивую прибыль. Быстрое продвижение по этому лабиринту возможно лишь в том случае, когда все участники движения понимают общее направление и не вносятся в заблуждение ложными указателями²⁴.

Сегодня генерация знаний является не самостоятельным сегментом, и государственная политика должна обеспечивать адресную поддержку нормального функционирования науки каждого сегмента НИС. Так, наука (фундаментальная и прикладная) в федеральных научных центрах должна быть полностью обеспечена государственным финансированием, а научным центрам корпораций прямая финансовая поддержка может быть оказана в ограниченном размере, только в случае выполнения государственных программ. В этом контексте для современной экономической науки, исследующей проблемы формирования национальных инновационных систем, важной и до конца не решенной проблемой является вопрос о масштабах и эффективности государственных расходов, о возможностях рационализации процесса отбора государственных проектов в инновационной сфере. Опыт многих стран показывает многочисленные и весьма масштабные «провалы государства» в отборе приоритетных направлений, финансировании дорогостоящих государственных программ, которые либо не дают запланированных результатов, либо дают результаты, отторгаемые впоследствии и экономикой, и обществом (среди примеров – атомная энергетика, производство генетически модифицированных продуктов питания, клонирование и др.). К этому добавляются традиционные недостатки реализа-

²³ Там же. С. 96

²⁴ Иванова Н. Инновационная система России в глобальном контексте // Мировая экономика и международные отношения. 2005. №

ции государственных программ, связанные с финансовыми нарушениями и злоупотреблениями, прямой коррупцией²⁵.

Одним из ключевых моментов, характеризующих степень готовности НИОКР к электронному развитию (*e-readiness*), является состояние инфраструктуры Информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), определяющее технические предпосылки прогресса «электронной науки» и обуславливающее, наряду с наличием у ученых навыков работы с ИКТ и их информированностью об этих технологиях, возможности применения ИКТ в научной деятельности²⁶.

Геоэкономические пространства. На экономическую составляющую реструктуризации глобального пространства обращает внимание А. Неклесса. Экономика претерпевает серьезные трансформации. Из процесса обустройства материального мира она преобразуется в полифоничное искусство стратегического действия и системных операций, происходит слияние политики с экономикой, проявляющееся особенно ярко в сфере международных отношений, и формирование на данной основе системы новых глобальных взаимодействий. А. Неклесса, к примеру, обращает внимание на появление контуров нескольких геоэкономических пространств, характеризующихся специфическими структурообразующими формами деятельности, служащими как бы «закваской» всей прочей хозяйственной активности того или иного региона. Особенность *североатлантического ареала* – развитие «штабной экономики» и «технологической высокой моды», т.е. производство технологических образцов, активно тиражируемых (за вычетом новейших военных технологий), в основном уже в другой геоэкономической зоне – *Большом тихоокеанском кольце*, включая такую его нетрадиционную ось, как Индостан — Латинская Америка. Здесь, преимущественно в «Большом Китае» и сопредельных с ним территориях, постепенно сосредоточивается значительная часть серийного, массового промышленного производства планеты, формируется новая «мастерская мира». *Индоевразийская дуга* и субтропические широты с большей или меньшей точностью обозначили контур основной сырьевой площадки планеты. Постепенно в картографии экономических процессов все заметнее проступает также особое, *трансграничное пространство* мировой криминальной экономики и связанных с нею специфических видов паразитической практики.

Наиболее сложным для геоэкономической прописи оказалось, однако, *пространство «сухопутного океана» Северной Евразии*. Если бы речь шла о построении формальной, сбалансированной модели, то структурообразующим началом данного «большого пространства», пожалуй, должно было бы стать производство сырья, но «сырья» особого – интеллектуального. В этом случае геоэкономический атлас мира превратился бы в гармоничную матрицу, своеобразную «мегамашину», диверсифицирующую и объединяющую мировое производство в единый комплекс: производство природного сырья,

²⁵ Там же.

²⁶ Цапенко И. Электронная эпоха науки // Мировая экономика и международные отношения. 2005.

промышленное производство, производство интеллектуального сырья, высокотехнологическое производство, финансово-правовое регулирование экономических процессов и т.д. На практике, однако, этого не произошло. России приходится «всерьез и надолго» рассматривать перспективы встраивания в чужие, вполне состоятельные экономические стратегии. Тем не менее, определенные предпосылки для реализации *интеллектуальной* геоэкономической роли России все же имеются, полагает А. Неклесса. И связано это, прежде всего, с «нетривиальным прочтением геоэкономического контекста, которое открывает дополнительные измерения у ряда наболевших проблем, предоставляя, в частности, стратегическую альтернативу нынешней архитектуре внешних связей страны как с неоиндустриальным пространством Большого тихоокеанского кольца, так и с высокоиндустриальной экономикой североатлантического Запада». Мотором этого процесса, по мнению А. Неклесса, может стать проект «Инновационной России», который помимо сугубо *инновационной* составляющей — целенаправленное взаимодействие России со стремительно развивающейся глобальной *информационной* индустрией, форсированное освоение уже существующих и создание новых, оригинальных телекоммуникационных и информационных технологий, активное вовлечение в перспективную сферу деятельности высокообразованного кадрового потенциала страны, людей, способных думать и действовать в сложноорганизованной и быстро меняющейся среде. Важным элементом проекта могло бы стать формирование на этой основе транснациональных модулей, включенных в актуальный мировой процесс информационного (товаро) обмена и обеспечивающих, таким образом, «российским молекулам» эффективную обратную связь, понимание актуальных потребностей в этой сфере²⁷.

Транснациональные акторы (ТНА) в области ИТ и информационное противоборство. Д.Ю. Швец выделяет два аспекта в информационной безопасности: *информационно-технический* – защита, контроль и соблюдение законности и правопорядка в телекоммуникационной сфере (защита от несанкционированного доступа, хакерских взломов компьютерных сетей и сайтов, логических бомбы, компьютерных вирусов и вредоносных программ, несанкционированного использования частот, радиоэлектронных атак и пр.); *информационно-психологический* – защита психики общества и государства от негативного информационного воздействия. По его мнению, информационно-психологическая безопасность государства является частью информационной безопасности государства и представляет собой состояние защищенности психики политической элиты и населения страны от негативного информационно-психологического воздействия противника, цель которого осуществление глобального доминирования над механизмом принятия решений и в конечном итоге над государством в целом²⁸. На наш взгляд, к этому перечню

²⁷ Неклесса А. Инновационная Россия как политический проект и как стратегия развития // Россия XXI. 2004. № 6. С.20-47.

²⁸ Швец Д.Ю. Информационная безопасность России и современные международные отношения. С.12.

следует добавить правовой аспект информационной безопасности, который заключал бы в правовое поле баланс личных, общественных и государственных интересов в области обеспечения доступа к информации и информационной безопасности.

Д.Ю. Швец дает следующее определение информационных войн. «Информационная война – это коммуникативная технология по воздействию на информацию и информационные системы противника с целью достижения информационного превосходства в интересах национальной стратегии при одновременной защите собственной информации и своих информационных систем»²⁹. Д.Ю.Швец выделяет следующие сферы информационного противоборства: политическая, дипломатическая, финансово-экономическая, военная, технологическая, социальная, идеологическая. Информационная война может быть направлена против трех элементов»: компьютер (hardware); программное обеспечение (software); человек (wetware).

На международной арене информационные войны ведутся между государствами и блоками государств; между международными корпорациями, ТНК и международными финансовыми группировками; между международными корпорациями, ТНК и международными финансовыми группировками с государствами; между террористическими организациями и государствами; между криминальными организациями; между криминальными организациями и государствами³⁰.

Актуальность современного информационного противоборства является вполне очевидной. Можно согласиться с Д.Ю. Швецом, утверждающим, что «под «гармоничным информационным обществом» следует понимать состояние, которое определяется совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства в информационной сфере, основанных на саморегуляции информационного пространства»³¹. Надо ли доказывать, что *саморегуляция* информационного пространства возможна только при равных сильных позициях субъектов, участвующих в этом процессе.

Известно, что гипертрофированная секретность и тотальная закрытость советских военных технологий не только от зарубежного противника, но и от собственного производителя мирной продукции стали важной предпосылкой прогрессирующего отставания СССР, а затем и России от технологически передовых стран. Напротив, в США, например, признается, что «военные должны признать, что есть сферы, где лидирует коммерческий сектор, особенно это касается компьютеров и использования методов сложнейшего моделирования». «Прогресс в этих областях позволяет осуществлять многие конструкторские работы и проводить виртуальные испытания без реального производства образцов техники»³².

²⁹ Там же. С.57

³⁰ Там же. С.17.

³¹ Там же. С.122.

³² Смит Д., Корбин М., Хеллман К. Новые вооруженные силы. Стратегия безопасности XXI в. Сокращенный доклад. М., 2002. С.51

Аутсорсинг. Суть аутсорсинга, как феномена глобализации информационных услуг, кратко можно определить как передачу сторонней организации непрофильных и обременительных для компании функций. Мировая практика этого вида деятельности начиналась с поддержки ИТ-инфраструктуры, а со временем распространилась и на обслуживаемые ею прикладные задачи и бизнес-процессы. В зависимости от вовлеченности этих трех уровней поддержки бизнеса (ИТ-инфраструктура, приложения, бизнес-процессы), предлагаются разные формы ИТ-аутсорсинга. Основной вид, стратегический, – когда речь идет об аутсорсинге того или иного уровня в масштабах предприятия, – предполагает установление партнерства между заказчиком и аутсорсером на основании долгосрочного соглашения. Иногда на обслуживание компании-аутсорсеру передаются отдельные элементы ИТ-инфраструктуры (например, рабочие места пользователей, телекоммуникационные каналы) или бизнес-приложения в масштабе отдела. Такие формы обслуживания ИВМ относят к разряду аутсорсинга одной частной функции, в случае аутсорсинга приложений мы называем это хостингом.

В экономически развитых государствах ИТ-аутсорсинг распространен очень широко – в первую очередь среди финансовых учреждений (банки, страховые компании), где требования к ИТ особенно высоки, а также в сфере производства. Исследование, проведенное весной 2004 года компанией *Knowledge Systems and Research* в шести странах Европы и Америки, а также в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона, показало, что 44% крупных фирм (с годовым оборотом свыше 500 млн. долл.) пользуются двумя и более уровнями ИТ-аутсорсинга, из них 37% – клиенты ИВМ. Среди компаний, входящих в список *Fortune 500*, эти показатели, соответственно, 54 и 9%. Хотелось бы отметить, что кроме незрелости рынка на развитие ИТ-аутсорсинга в нашей стране влияют такие факторы, как информационная закрытость компаний, двойная бухгалтерия, отсутствие провайдеров нужной квалификации и финансовых моделей расчета эффективности, несовершенство законодательной базы, менталитет и пр.³³

Сетевые организации транснационального терроризма. Глобализация позволила всем негосударственным субъектам играть заметную роль в международной политике. Но при этом возникновение новых субъектов действия далеко не всегда укладывалось в логику становления глобального гражданского общества. Часто оно означало всемирную активизацию маргиналов (*the rise of «global idiots»*). Отсюда логично возникает один из ключевых вопросов нашего времени: способно ли в принципе государство оказаться в состоянии войны с негосударственным субъектом (террористической сетью) или даже частным субъектом? Антитеррористическая война США против «Аль-Каиды», транснациональных акторы в конфликтах на постсоветском пространстве – в Средней Азии и в Чечне являются примерами войн государства с *не-государствами*. Эти примеры реально означают существенный по-

³³ Ваганов А. Стратегический информационный ресурс // http://www.ng.ru/telecom/2006-03-07/13_resurs.html

ворот в эволюции международных отношений, мировой политики и наносят чувствительный удар по принципам государственного суверенитета³⁴.

Сети представляют собой самоорганизующиеся полицентричные структуры, ориентированные на решение конкретных задач и состоящие из автономных (иногда временных) групп. Для них характерны децентрализация власти и ответственности, а также преобладание горизонтальной направленности нежестких связей. Являясь открытыми структурами, сети способны к расширению путем включения в себя новых узлов, если те решают аналогичные задачи и исповедуют сходные ценности (т.е. используют аналогичные коммуникационные коды). Они прекрасно приспособлены к проникновению в органы власти и управления, к коррупционным практикам, обладают устойчивостью и способностью к регенерации. Сети подвижны и потому трудноуязвимы. Они жизнеспособнее жестко централизованных организаций обычного типа.

Например, «Аль-Каида» – это сетевая структура, не несущая никаких обязательств ни перед населением стран базирования, ни даже перед своими рядовыми членами, не ограниченная в выборе целей и средств. «Аль-Каида» не ограничена какой-то единственной зоной базирования, ее финансовые средства рассредоточены по разным географическим ареалам, во многих странах находится и контролируемые ей потенциальные базы отдыха, лечения, укрытия. Она – нигде и всюду одновременно, имея возможность получать скрытую поддержку от своих сторонников даже изнутри Америки и стран Западной Европы.

После 11 сентября в США все больше ориентированы на задачи будущей войны, которую называют «сетевой» (*network-centric warfare*). Ее концепция положена в основу программы американского военного строительства до 2010 года («*Joint Vision 2010*»), а первым ее полигоном стал Афганистан. Об ориентации США на ведение «сетевой войны» с помощью информационного оружия косвенно позволяет судить и обнародованная в сентябре 2002-го Стратегия национальной безопасности США, закрепившая на уровне государственной доктрины переход к стратегии превентивной войны в рамках глобального интервенционизма. Существует, однако, и другая позиция. Она все больше набирает силу в самой Америке. Ее суть в том, что взаимодействие планетарных процессов значительно сложнее, чем та картина, которую рисовали идеологи глобализации в конце XX века, а преодолеть препятствия на пути создания глобального информационного общества средствами глобальной военной интервенции не удастся³⁵.

Угрозы в научно-технологической и угрозы в информационной сферах. Несмотря на объективную природу угроз безопасности, отражение человеком этого явления сплошь и рядом не совпадает с реальным положением. Оценка объективно существующей угрозы всегда несет в себе элементы субъективизма и уже в силу этого является искаженным отображением объективной действительности. Порой искажения в восприятии угрозы могут достигать значительных масштабов. Более того, угроза реально существует и

³⁴ Соловьев Э. Сетевые организации транснационального терроризма // Международные процессы. 2004. № 2. С. 72-73

³⁵ Максименко В. Соблазн и иллюзия глобального управления//Pro et Contra. 2002. N 4.

формируется, а субъекты безопасности могут не знать об этом, не осознавать надвигающейся катастрофы.

В связи с этим А.В. Возжеников предлагает классифицировать угрозы по степени их субъективного восприятия. Под завышенной и заниженной угрозами понимаются объективно существующие угрозы с завышенным или заниженным (вплоть до полного игнорирования) уровнем реальной опасности. Под мнимой угрозой понимается ложная, надуманная, искусственно сформированная угроза при отсутствии достаточного реального основания для этого. Адекватная угроза отражает оптимальный случай, когда реальные параметры угрозы с достаточной точностью совпадают с ее субъективным обликом. Немаловажное значение имеют также личностные особенности характера и целевые мировоззренческие установки политиков и лиц, ответственных за принятие решений в области обеспечения национальной безопасности. Формирование неадекватного субъективного восприятия угроз может быть следствием собственной некомпетентности или заблуждения, либо результатом целенаправленной деятельности других лиц, добивающихся своих эгоистических целей³⁶.

Выводы. мироустройство претерпело кардинальную перестройку, коснувшуюся жизнедеятельности огромного большинства людей. Однако миропонимание наших современников в большинстве случаев не идет дальше ветхой идеологемы XVIII столетия. Не так уж не прав был Хосе Ортега-и-Гассет, написавший: «Разрыв между уровнем современных проблем и уровнем мышления будет расти, если не отыщется выход, и в этом главная трагедия цивилизации»³⁷.

Как справедливо пишет политолог Т.А. Алексеева, чтение и осмысление теоретических трудов дает возможность понять процесс развития и становления политических идей, в ходе которого апробируются, оцениваются и отбираются политико-теоретические проблемы, принципы познания политического, идеи и понятия, что обеспечивает не только приращение знания и поступательное развитие политической мысли, но и формирует наши политические взгляды и убеждения³⁸. Таким образом, мы получаем **основания, на которых строится политическая деятельность**. В этом смысле политическая теория — это одно из наиболее глубоких выражений стремления человека быть действительно рациональным, то есть руководствоваться в своей деятельности разумом, а не эмоциями или инстинктами. Политические теоретики отличаются от других граждан отнюдь не только тем, что у них есть определенные политические взгляды. Их отличает *качество* этих взглядов. Они стремятся сделать свое видение политики целостным, хорошо обоснованным, опирающимся на современное знание о человеке и окружающем его мире, и, наконец, доступным³⁹.

³⁶ Возжеников А.В. Национальная безопасность России. Методология комплексного исследования и политика обеспечения. — М., 2002. С.77.

³⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М, 1997. С. 81,93.

³⁸ Алексеева Т.А. Современные политические теории. С.8.

³⁹ Там же. С.9.